

Таким образом, широкое употребление термина «постмодерн» в гуманитарных и социально-политических науках, использование его в научно-популярной, публицистической сферах, журналистики и социальных медиа, а также устойчивые корреляции данного понятия с понятиями «постиндустриальное общество», «информационное общество», «информационное общество», «сетевое общество», «глобальное общество риска» и проч. позволяет сделать вывод о том, что сегодня «постмодерн» представляет собой интегральную характеристику [1, с. 136], в которой зафиксированы цивилизационные черты рождающейся постсовременности.

Список источников

1. Ирхин, Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин // Полития. – 2006. – № 4 (39). – С. 136-161.
2. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.
3. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
4. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М. : Эксмо, 2003. – 416 с.
5. Дугин, А. Г. Философия постмодерна. Лекция 7. Феноменология: подрыв субъекта / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dugin.ru/video/filosofiya-postmoderna-lekciya-7-fenomenologiya-podryv-subekta>. – Дата доступа : 11.11.2020.
6. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

<http://edoc.bseu.by/>

Г.С.Соболевский, студент
sobolevskygleb@gmail.com
БГЭУ (Минск)

Г.С.Соболевский. ДУХОВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В XXI веке в эпоху мировой глобализации множество государств активно принимают курс развития и внедрения цифровой экономики. Его целью является повышение эффективности производственных процессов, технологий, организации общественной жизни, а также системы управления крупными городскими пространствами. Цифровая экономика становится для человека оцифрованной, переведенной в мир чисел, объективной и субъективной окружающей реальностью.

Если соотнести время наступления промышленных революций, то нетрудно заметить, что время первой промышленной революции пришлось на эпоху Просвещения, второй – на период развития фундаментальных и прикладных исследований, в том числе социальных, третьей – на эру расцвета массовой культуры. Каждому из этих периодов экономического взлёта предшествовала краткая фаза постепенного культурного подъёма, вслед за каждым взлётом наступал период более или менее глубокого упадка. Если рассматривать сегодняшнюю ситуацию в Европе, то можно смело утверждать, что мы являемся свидетелями определённого упадка цивилизации, и многочисленные финансово-экономические кризисы служат тому подтверждением. Напомню, что мысль о неизбежности гибели европейской культуры была обоснована ещё Освальдом Шпенглером: «падение Западного мира представляет собой ни более ни менее как проблему цивилизации» [1]. Сегодня, в период глобализации и информатизации, наступает эпоха начала развития новой постиндустриальной, цифровой культуры [2, с.101].

Развитие технологий в разных сферах активно влияет на человека, общество и культуру. Социокультурные отношения в новом типе общества информационной эры включают в себя совокупность разнонаправленных тенденций. Увеличивается социальное равенство — вследствие открытости информации как основного ресурса информационного общества. Формируется феномен цифрового неравенства — вследствие затруднённости доступа к знанию: уменьшаются связи в обществе, опирающемся на сетевой принцип, социальный лифтинг оказывается чрезвычайно затруднительным. Общество становится предельно рациональным, но при этом в огромном количестве расцветают мистические течения, становится очевидной мифологизация сознания общества. Культура выступает как инновативная, но также актуализируется опыт традиционных общественных структур. Все это свидетельствует о сложности современных социальных процессов, о нелинейности общественного развития в целом и современного в частности. Жить в таком обществе достаточно трудно, но знание его основных особенностей позволяет использовать эту сложность не только для индивидуального, но и для общего развития [3, с. 143]).

Проблема адаптации каждого отдельно взятого человека и человечества в целом к условиям быстро меняющегося мира, внешней среды обитания, к принятию вызовов и угроз неопределённости и риска, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни, становится ещё более актуальной в оцифрованной среде. Наряду с несомненными позитивными последствиями применения в повседневной жизни индивида прорывных информационных технологий, могут возникать проблемы философско-психологического плана, в частности, проблема идентификации личности в мире информации и цифр, а также проблема одиночества и депрессии [4, с. 1314].

Понятие «оцифрованный мир» нередко отождествляют с другим чрезвычайно популярным в наши дни понятием – «информационное общество (информационное пространство)», что, в свою очередь, рассматривается как синоним дефиниции «общество знаний» и «постиндустриальное общество». Сегодня человеческое общество, являясь информационным, в той или иной степени основано на знаниях. Однако следует признать, что объемы используемых информации и знаний, а также их качество в различные исторические периоды человечества являются принципиально различными [5]. К тому же освоение этих знаний и информационных массивов в разное время осуществляется с различной скоростью, при этом неравномерно и нелинейно [4, с. 1315].

Современный оцифрованный мир отличается от других миров индивидов гигантской скоростью передачи информации, гигантским объемом информации в запоминающих устройствах, гигантской скоростью поиска и распознавания информации в различных базах данных, глобальным масштабом передачи и распространения информации. Все перечисленное обусловило скоростное распространение научных знаний, что существенно повлияло на научно-технологический и социальный прогресс всего человечества [4, с. 1315].

Несмотря на все положительные факторы цифровизации, проблема адаптации и поиска себя, своего места и смысла в жизни каждого конкретного индивида приобретает еще большее значение. Проблема идентификации человека в мире цифр и антропоморфных роботов из философского осмысления переводит в новый пласт – психолого-экономический [4, с. 1316].

В эпоху автоматизации и прорывных технологий, которые неумолимо приближают нас к эре робототехники и тотальной роботизации, проблема самоидентификации человека становится еще более острой. Специалистами, занимающимися созданием антропоморфных роботов, отмечается следующий парадокс: индивид может испытывать психологическую привязанность к человекоподобному роботу, оказывающему помощь индивиду в практической и социальной жизни, которая со временем может быть трансформирована в серьезные психологические проблемы, вызванные осознанием непохожести робота с реальным и неидеально устроенным человеком [4, с. 1317].

В настоящее время два процесса (создание быстродействующих вычислительных машин и глобальных сетей для скоростной передачи информации на любые расстояния) слились в единый процесс, обусловивший формирование современного оцифрованного мира. Данный технологический мир в настоящее время продолжает оказывать серьезное и всевозрастающее влияние на реальный мир человека, на взаимоотношения отдельных индивидов, на социальные, цивилизационные и культурные тенденции современного человека во всех сферах и средах его обитания [4, с. 1318].

В современном обществе, переполненном информацией, духовный мир, ценности, и культура человека претерпевают существенные изменения. В статье *Digital Natives, Digital Immigrants* (2001) писатель и популяризатор технологий обучения и просвещения Марк Пренски впервые предлагает термин «цифровые аборигены». Помимо этого, Пренски называл цифровыми людьми студентов-абитуриентов 2000-х. Термин был придуман по аналогии с английским словом *native*, которое в английском языке означает «коренной житель», «уроженец» или же «абориген». Таким образом, цифровой человек — это коренной житель цифрового общества, или Цифрового Века, века цифровых технологий [6].

По мнению Пренски, люди, родившиеся в конце прошлого века, отличаются от всех остальных. Такой вывод он сделал, глядя на школьников и студентов 2000-ых годов. Они живут в окружении компьютеров, видеоигр, плееров, видеокамер, мобильных телефонов и Сети — и все перечисленное становятся неотъемлемой частью их жизни. Таких людей Пренски и предложил назвать «цифровыми аборигенами» — носителями родного для них цифрового языка компьютеров, видеоигр и Интернета [6].

Все остальные поколения, появившиеся на свет и выросшие до конца XX века, Марк Пренски предложил назвать «цифровыми иммигрантами». Данное понятие относится не только к совершенно неадаптированным к новым технологиям людям, но и к тем, кто усердно пытается вникнуть в происходящее и даже добивается в этом успеха [6].

Согласно теории Пренски, у «иммигрантов», как бы они ни старались, остается нечто вроде «акцента» — своеобразные «отголоски прошлого», попытки сочетать новейшие возможности с прежними (например, когда человек по телефону подтверждает получение электронного письма или вместо того, чтобы редактировать текст на компьютере, распечатывает его и правит от руки) [6].

Человек Нового времени, лишившись надежной психологической защиты в лице религии, ощутив свою оторванность от Бога, общины, традиции, делегировал функции, связанные с формированием нуминозного опыта, той культуре, которая обладала мощным потенциалом формирования иллюзорного мира и иллюзорного сознания. Религиозные традиции были разрушены, и мир идеального был воссоздан в мифологических конструктах облегченной массовой культуры. Безусловно, огромное влияние на мифологизацию сознания человека информационной эпохи оказала сетевая культура с ее возможностями создания мира идеального, опирающаяся в большей степени на эмоциональное, а не интеллектуальное постижение идеи, в которой доминирование логического мышления сменилось доминированием мышления эмоционально-мифологического [3, с. 151].

Анализируя этот процесс мифологизации сознания в информационную эру, П. Бергер и Т. Лукман приходят к выводу о том, что в сетевой среде схемы типизации, упорядочивающие контакты человека в повседневном общении, утрачивают индивидуальное содержание [7]. Границы типизации,

приобретающей анонимность, предельно расширяются и наделяются при этом мифологическим содержанием. Анонимность рождает вымысел, который воплощается в аватарах — именах-масках, позволяющих человеку обретать новую самоидентичность, отказываясь от данных природой пола, возраста, расы, этничности и обретенных в культуре ценностной системы, моделей социального взаимодействия, профессии, увлечений [3, с. 151].

Таким образом, в стремительно развивающейся эпохе цифровизации духовный мир индивида претерпевает существенные изменения. Положено начало развития новой постиндустриальной, цифровой культуры. Цифровая экономика становится для человека объективной и субъективной окружающей реальностью. Увеличивается социальное равенство — вследствие открытости информации как основного ресурса информационного общества. Формируется феномен цифрового неравенства — вследствие затрудненности доступа к знанию. Наряду с несомненными позитивными последствиями применения в повседневной жизни индивида прорывных информационных технологий, могут возникать проблемы философско-психологического плана, в частности, проблема идентификации личности в мире информации и цифр, а также проблема одиночества и депрессии. Еще большее значение приобретает проблема адаптации и поиска себя, своего места и смысла в жизни каждого конкретного индивида. Оказывается серьезное и всевозрастающее влияние на реальный мир человека, на взаимоотношения отдельных индивидов, на социальные, цивилизационные и культурные тенденции современного человека во всех сферах и средах его обитания. В виду существенных различий поколений вводятся понятия «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты». Под влиянием сетевой культуры наблюдается мифологизация сознания человека Нового времени. Доминирование логического мышления сменилось доминированием мышления эмоционально-мифологического. Отдавая предпочтение реальному желанному, человек создает себе вымышленного аватара. Таким образом интерес к миру настоящему переходит к миру воображаемому.

Список источников

1. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. под ред. А.А. Франковского. 1922. - Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml. - Дата доступа: 15.11.2020.
2. Сагитов, С.Т. Социокультурная сфера и развитие цифровой экономики // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 97-105. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-97-105>. - Дата доступа: 15.11.2020.

3. Костина, А. В. Информатизация и тенденции развития общества XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 143–156. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.11. - Дата доступа: 15.11.2020.
4. Городнова, Н.В., Самарская Н.А. Проблемы современного человека и качество его жизни в цифровой экономике // Креативная экономика. – 2019. – Том 13. – № 7. – С.1313-1328. DOI:10.18334/ce.13.7.40842. - Дата доступа: 15.11.2020.
5. Пройдаков, Э.М. Страницы истории отечественных ИТ. - М.: Альпина Паблишер, 2015. - Дата доступа: 15.11.2020.
6. Digital Native [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Digital_Native. - Дата доступа: 15.11.2020.
7. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. М. : Медиум. 323 с. - Дата доступа: 15.11.2020.

Д.В.Шипуль, студент
shipuld27@gmail.com

М.Н. Мисюк, доцент
БГЭУ (Минск)

<http://edoc.bseu.by/>

Д.В.Шипуль, М.Н. Мисюк. СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СТРУКТУРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В последние несколько десятков лет количество научных работ и разговоров об эмоциональном интеллекте продолжает возрастать. А развитие эмоциональной культуры становится в основу глобальных проблем человечества (Андреева, 2011).

Поддержание в нас, как в человеческом виде, культуры эмоционального интеллекта необходимо еще и для того, чтобы мы по-прежнему и в будущем могли составлять конкуренцию тем формам искусственного интеллекта, который может появиться вследствие технологического прогресса. Пока что, именно этот аспект – наличие у нас понимания и распознавания своих эмоций, и эмоций других людей – формирует ту пропасть, которую не способен пока что преодолеть компьютер. И благодаря этому его интеллект с натяжкой можно назвать истинным интеллектом. (Алексеев А. Ю., 2019).

Еще одна сторона для изучения эмоционального интеллекта лежит в основе аксиоматического подхода к отбору персонала. (Сидорина, 2015).

На протяжении долгих лет ведущим считался рациональный и логический интеллект, который измерялся через тест коэффициент интеллекта, и как утверждали многие психологи, люди имеющие высокий IQ, добивались больших результатов в жизни и в карьере, чем те, у кого он низкий. Но после проведенного исследования о том, что четверть